

Олег КУИМОВ

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ

Антон посмотрел на табличку с номером дома. Да — этот! Обычная восьмизэтажка из белого силикатного кирпича, невесть каким боком затесавшаяся в компанию окружавших её красавиц сталинского ампира. Однако внутри дом оказался не хуже своих соседей. Высокие широкие двери в две створки создавали ощущение солидности. И потолки явно трёхметровые. Ничего не скажешь — центр Москвы на то и центр — со всем причитающимся достоинством столичного города.

Дверь в квартиру, перед которой остановился Антон, выглядела бедной родственницей в сравнении с остальными — деревянная, неказистая, окрашенная типовой коричневой краской ещё советских лет. Стало ясно, что хозяин, Иван Сергеевич, с которым он был знаком только по телефонным разговорам, либо пенсионер, хотя голос казался моложавым, но такое бывает и обманчивым, либо одинок: такая неприкаянность исходила от двери. Антон позвонил.

— Здравствуйте. Вы Антон? — спросил открывший дверь худощавый улыбающийся мужчина лет шестидесяти с небольшим, немного выше среднего роста, коротко стриженный под бобрлик, в длинной фланелевой рубашке в красную с чёрным клетку и синих джинсах.

— Да, Антон, здравствуйте.

— Проходите. Надевайте вот тапочки, — он указал жестом на галошницу.

И всё то время, что Антон разувался, хозяин терпеливо стоял рядом и с улыбкой радушного хозяина расспрашивал, задавая общие вопросы с такой приветливостью, что Антон отвечал с охотой, несмотря на их шаблонность.

Переобувшись, он огляделся. Длинный коридор, который можно было бы назвать просторным, если бы не расставленные вдоль левой стены стопки связанных бичевой книг и каких-то бумаг. Коридор упирался в туалет и ванную комнату. Слева затемнённая стеклянная дверь закрывала вход, по всей вероятности, в комнату. Справа, чуть дальше, такая же стеклянная дверь была распахнута. Внутри стоял кавардак — то ли ремонт, то ли разборка вещей. Такие же стопки, набитые чем-то чёрные полиэтиленовые мешки вместе со стоявшими друг на друге стульями да ещё куча всяких узлов и вещей сократили свободное пространство вокруг стоявшего посередине пианино и круглого стола на мощных кривых ножках до совершенного стеснения.

— У вас ремонт? — осведомился Антон.

Иван Сергеевич изобразил виноватую улыбку, впрочем, смущения в ней не замечалось.

— Извините... небольшой беспорядок. Разбираюсь с вещами. Ну, там ещё кое-что, — он протиснулся между коробок к столу и, жестом указывая на один из венских стульев, какие Антон почти уже нигде не встречал, разве что у коренных московских аборигенов, и то редко, предложил: — Антон, вы присаживайтесь. В принципе, общее мы с вами обговорили по телефону. Теперь осталось обсудить кое-какие детали, — улыбка на миг исчезла с его лица, и неожиданно чёрные зрачки остекленели, как у ворона, вонзаясь в него ледяными иглами. И так же внезапно лицо оживилось прежней доброжелательной улыбкой. — Я вам уже говорил по телефону, что икону придётся реставрировать только у меня дома, — продолжал Иван Сергеевич, — все необходимые условия я вам обеспечу. Всё, что понадобится, предоставляю.

— Иван Сергеевич, извините, а чем всё-таки обусловлено такое требование? У меня есть все условия для работы, и мне всегда заказчики доверяют работу на дом.

Иван Сергеевич выпрямился на стуле и принялся постукивать пальцами по столу, сосредотачиваясь, как показалось Антону, на какой-то мысли.

— Понимаете, Антон, — резко, словно осёкшись, поджал он пальцы, — эта икона мне очень дорога. Мне бы хотелось, чтобы она всё-таки оставалась рядом со мной.

— Она вам дорога как семейная реликвия?

Иван Сергеевич опустил глаза.

— М-м... не совсем. Мне она, скажем так, досталась по наследству, но от другого человека.

— Тогда почему?

— Ну, — он смущённо улыбнулся, — она просто дорогая.

— В каком смысле?

Иван Сергеевич виновато развёл руками.

— В смысле — в денежном эквиваленте. Ну и... в натуральном тоже, само собой, — как объект духовной культуры.

Антон заинтриговался.

— И что это за икона? — спросил он спокойно, чтобы не выказать явно своего любопытства.

— А вот давайте я вам её просто покажу. Я вообще-то её никому ещё не показывал. Не хочется привлекать лишнего внимания. А вас мне рекомендовали как человека порядочного и неболтливого.

— Ну тогда почему же вы не решаетесь мне доверить её домой?

Иван Сергеевич наклонился, поднял с пола карандаш и покрутил его между пальцев, сосредоточенно разглядывая, как крутящиеся грани сливаются в жёлтую окружность.

— Ну, как вам сказать. Вы по рекомендации хороших людей, так что я вам полностью доверяю, но жизнь полна сюрпризов. А вдруг с вами что-то случится? Или вас обворуют? Затопят соседи? Да мало ли что? А так всё будет на моей ответственности. Уж лучше я сам себя буду ругать, если что, чем... ну, вы сами понимаете.

— Понимаю. Просто мне никогда не приходилось сталкиваться с подобным подходом. Но в принципе, я согласен, — Антон поднялся с места. — Давайте тогда посмотрим нашу икону.

— А почему «в принципе»? — насторожился Иван Сергеевич.

— И без принципа тоже, — отшутился Антон. — Обычная глупая присказка.

— А-а... ну что ж, тогда приступим, — обрадовался Иван Сергеевич и, отлучившись на минутку в соседнюю комнату, принёс обёрнутую бумагой икону.

— Так это же дораскольное письмо! — восхитился Антон, после того как Иван Сергеевич освободил её от толстого слоя бумаги. — Иоанн Предтеча! Начало семнадцатого века, не позднее. Список иконы Андрея Рублёва.

Иван Сергеевич откинулся на спинку стула, не в силах сдержать довольную улыбку счастливого обладателя.

— Да, так и есть, дораскольная.

— Где же вы такую ценность достали? — от возбуждения по спине Антона пробежали мурашки, как от озноба. И он невольно передёрнул плечами. — Состояние, правда, не очень, но приемлемо. Нет, ну правда, где вам удалось такой раритет достать?

Иван Сергеевич хитро, с мальчишеским озорством прищурился.

— Тайна фирмы. Ну, хотя какая уж тут тайна. Досталась по наследству. Точнее, не то чтобы по прямому наследству, но всё-таки... — он на миг замялся. — От одного доброго человека.

Антон проследил за его взглядом. На стене висела фотография женщины средних лет: чернобровая, черноокая брюнетка в белой водолазке, украшенной золотым колье с часиками.

— Это ваша мама? — спросил Антон.

— Нет, это Белла Григорьевна, мамина подруга. А насчёт иконы... всякий коллекционер имеет свои маленькие тайны, — с таинственным видом заключил он, поднявшись со стула.

— Да, это уж точно, у каждой коллекции есть второе дно.

— Вот-вот, — охотно согласился Иван Сергеевич, потирая пальцами переносицу.

— Ладно, вы своё дело знаете, не буду вам мешать. Ознакомьтесь с иконой, оцените свой труд, а я пока, с вашего позволения, приготовлю нам что-нибудь к обеду. Надеюсь, у вас нет каких-то ограничений в пище?

— Нет, я не вегетарианец и тому подобное.

— Ну и замечательно. Ах да, как я мог забыть! Вам же с дороги надо руки помыть. Туалет — слева, ванная — справа. С выключателями, надеюсь, разберётесь.

— Разберусь, конечно. Только я хочу вас предупредить сразу, что цена будет выше той, что я беру обычно.

Заметив, как брови Ивана Сергеевича изогнулись в немом вопросе, Антон поспешил объяснить:

— Понимаете, Иван Сергеевич, реставрация процесс специфический. В нём есть определённая последовательность, которой следует придерживаться неукоснительно, иначе можно погубить икону. Нельзя вот так засесть за работу и не отходить от станка

сутками. Какие-то операции займут целый день, а какие-то, ну, очистка, например, ну, час где-то. А день-то фактически потерян: пока к вам доедешь, пока вернёшься. Если бы я мог работать у себя, это другое дело, а так мне придётся больше суесться, чем работать. Тут иногда будет вынужденный простой, и потом, у меня еще имеются заказы, которые надо доделывать. Мне придётся разрываться...

Иван Сергеевич, внимательно слушавший Антона, перебил его:

— Хорошо-хорошо, я всё понял. Усложнение условий труда — справедливо. И... — вздохнул он, — насколько увеличится сумма?

— На двадцать пять процентов.

— У-м-м... Многовато, конечно, — глаза у Ивана Сергеевича сузились в задумчивости, — но что делать... что делать... Хорошо, договорились.

— И ещё, — поспешил вставить Антон, — мне от вас нужны общие сведения о предыдущей, так сказать, жизни иконы. Это не моя блажь, таковы нормы реставрационных работ. Где она до этого находилась, в каких условиях, в каком районе? В общем, всё, что знаете.

Иван Сергеевич тяжело вздохнул:

— Эх, боюсь, я тут не смогу быть вам полезным. До меня хранилась в сухом подвале, в Москве, а до этого — не знаю.

Туалет с ванной снова напомнили Антону, что он в центре Москвы, где строили когда-то хоть и без роскоши, но для людей с положением и достатком. Ванная вообще оказалась с его кухней. И везде, за исключением комнат, пол был выложен белой плиткой с чёрными вставками, как в старых французских фильмах про средневековых королей и прочую дворцовую знать. Выглядело хотя и привлекательно, но неброско и несовременно, как могло показаться обывателю. И только немногие, ещё сохранившие остатки иммунитета от модной крикливой пошлости кича, да коренные москвичи, выросшие в подобных условиях или наблюдавшие их у состоятельных соседей и знакомых, могли оценить по достоинству вкус хозяина и солидность вложенных средств.

Странное дело, стеснённость несколько не мешала трудиться. Напротив, какая-то атмосфера царственного, а точнее сказать, старомосковского покоя с его неспешностью располагала к сосредоточенному погружению в работу. Тщательно, сантиметр за сантиметром, осмотрев икону, Антон записал в реставрационный паспорт результат осмотра. Затем выпрямился и, мысленно составляя дальнейший план работ, машинально стал рассматривать комнату. Внезапно, как будто у него из ушей только что убрали затычки, в его сознание ворвались звуки: звякнула на кухне крышка кастрюли, стукнула дверка плиты. А главное — запах! — запекавшейся и, по всей вероятности, не дешёвой рыбы. Слышно было, как сливается вода из кастрюли, затем снова стукнула дверка плиты, глухо стукнул противень, зазвенела посуда, и через некоторое время вошёл Иван Сергеевич.

— Обед готов. Мойте руки, и пойдёмте к столу.

— С удовольствием, — оживлённо откликнулся Антон, у которого от аппетитного запаха засосало под ложечкой.

Он машинально перевёл взгляд на стоявшие у окна высокие деревянные ходики — 12.58. Да, самое время обедать.

Кухня, размерами с его, Антона, спальню, в отличие от комнаты и коридора, оказалась полупустой. Вдоль левой стены стояли старомодные антикварные буфет на толстых изогнутых ножках и сервант на ножках уже тонких, резных и изящных; напротив — газовая плита с одиноко ютящейся возле неё выдавшей вида тумбой в отделке из пластика ещё брежневских времён, в углу, на некотором расстоянии, — такая же тумба с мойкой. Зато посередине красовался роскошный овальный стол из черешни. Антон залюбовался его натуральным узором. Стол не тонируют, сохранив природный светлый оттенок, блестящий под слоем полироли, словно янтарный.

— Извиняюсь, что без скатерти. Вот закончу разбираться с вещами — займусь и этими мелочами. Ко мне гости не заходят, так что обхожусь по-простому.

— Да вы что, Иван Сергеевич! Такая красота! Да зачем её закрывать скатертью! Ему вообще место не на кухне.

— Да, оно, конечно, так, только мне нравится на нём есть. Смотришь, любишься, и процесс приёма пищи интересней становится, — Иван Сергеевич рассмеялся своей простенькой шутке.

— У вас и тарелки красивые, такие тоже пищеварению способствуют.

Иван Сергеевич расплылся в довольной улыбке:

— Да, это хороший фарфор — немецкий. Люблю красивые вещи. Не могу отказать себе в таких маленьких удовольствиях. А столовые приборы? Вы уже заметили? Серебро! — в его глазах промелькнул мальчишеский огонёк самодовольства. — Жаль, конечно, что полное ансамбля недостаёт хорошего гарнира, но что делать... что делать... пока вот так. Пока даже без штора обхожусь. Хорошо, никто меня не видит: на-

против — пятиэтажка, и та далеко. Зато я вас сейчас такой рыбкой угощу! Форелью, надеюсь, не побрезгуете?

Антон рассмеялся:

— Конечно, нет!

— Ну и славненько. Я её в Елисейском беру.

— Ого! — удивился Антон. — Там же всё очень дорого. За одну фасонистость такие переплаты!

— Ну, — в улыбке, не покидавшей лица Ивана Сергеевича и только менявшей оттенки, появилось доброжелательное снисхождение, — экономия не всегда уместна. Деньги для того и существуют, чтобы дарить нам маленькие радости. Елисейский — это всё-таки особый мир. И потом, там такая атмосфера, шик! Хоть человеком себя почувствуешь. Мне там очень нравится. Советская эпоха — хорошие годы, — на плите закипел чайник, и Иван Сергеевич поспешил его выключить. Затем подошёл к буфету и достал из него бутылку красного вина. — А заплём мы наш обед крымским вином. Надеюсь, вы вино пьёте?

— С удовольствием! Не каждый день массандровские вина пью, — Антон заметил надпись на красивой бордовой этикетке.

— Вот и замечательно. «Бастардо»! Я его в одном хорошем магазинчике беру. Там хозяин человек серьёзный, мы с ним давно знакомы. Дешёвкой не занимается.

При последних словах у Антона возникло ощущение, что Иван Сергеевич живёт в особом старомосковском мире, скрытом от посторонних глаз за какой-то таинственной дверью; и где она — никому из непосвящённых знать не дано.

На столе появились высокие бокалы.

— Хрусталь? — спросил Антон, разглядывая узоры.

— Нет, чешское стекло. Точнее сказать, богемское. С хрусталём, конечно, посolidнее, но это для особо торжественных случаев, не то праздник перестанет ощущаться. А так обычно и эти фужеры неплохи.

Иван Сергеевич ловко откупорил бутылку и наполнил оба бокала. Антон удивился: прежде такое тяготение заказчика к эстетике этикета, а тут на тебе — вино доверху, вместо того чтобы до половины, как полагается.

Перехватив его взгляд, Иван Сергеевич совсем расплылся в обволакивающей улыбке чеширского кота и со вздохом пожал плечами.

— Ну, не совсем по этикету, зато будем подольше смаковать, не отвлекаясь.

— Да, наверное. Меня, честно говоря, всё устраивает. Главное, что вино вкусное. Я люблю «Бастардо».

— Да? — рука хозяина застыла над бокалом. — И я тоже люблю именно его. Прекрасно! Значит, я не прогадал, — от вина Антон захмелел и, не таясь, оглядел кухню. — Хорошая квартира, — заметил его внимание Иван Сергеевич. — Главное — потолки высокие.

— Вы её купили? — спросил Антон, вспомнивший, что хозяин приезжий — из Воркуты.

— Нет, что вы! У меня таких денег нет. Это в советское время можно было кооператив купить, а сейчас такая квартира стоит непомерных денег, — Иван Сергеевич оценил взглядом бутылку и разлил теперь уже до половины, оставляя, как сообразил Антон, вино ещё на один раз. В лице его показалось смущение. — Мне немножко повезло. Мама у меня дружила с одной евреечкой, а... да вы же видели её на фото. У Беллы Григорьевны никого не было. Вот она и отписала квартиру маме. Мама за ней ухаживала, когда Белла Григорьевна раком заболела. Лет десять уже прошло. А потом и мама ушла. А до этого мы в Кузьминках жили. Сейчас я ту квартиру сдаю, на пенсию разве проживёшь? Детей-то ведь нет, никто не поможет. Только на себя и приходится рассчитывать, — Иван Сергеевич поднял бокал. — Ну... за что выпьем?

— М-м... — Антон закатил в задумчивости глаза. — Ну, давайте за справедливость, а то у нас её на всех не хватает.

— О! Это хороший тост.

Они молча пережёвывали пищу, и Антон удивился, что Иван Сергеевич столько времени ни о чём не спрашивает и сам ничего не рассказывает. В тишине особенно громким показался стук упавшего наверху предмета и последовавший за ним топот бегущих маленьких ног и детский визг.

— Единственный недостаток, — оторвался от еды Иван Сергеевич, — высокая слышимость. Кстати, на какое время примерно вы рассчитываете с реставрацией?

— На какое? — задумчиво переспросил Антон, вытирая салфеткой губы. — Ну, где-то на полтора-два месяца, — заметив, как напряжённо выпрямился Иван Сергеевич, Антон поторопился его успокоить: — Понимаете, быстрее не получится. Реставрация это целая наука. Чуть успешишь, одно неверное решение — всё, икона погибнет. И опять же, повторюсь, важный момент в том, что я не смогу посвятить себя полностью

одной вашей иконе. Появляться у вас я буду не каждый день, чаще на короткое время, час-другой-третий.

— Да-да, вы говорили. Что делать?.. Потерпим, — изобразил смирение хозяин.

Антон поёрзал на вставшем вдруг жёстким стуле:

— Извините, Иван Сергеевич, насчёт аванса. Мы с вами предварительно, по телефону, сошлись на двадцати процентах от суммы, но я не учёл, что работа окажется сложнее и затянется более, чем я предполагал. Я бы попросил двадцать пять процентов, чтобы вас лишний раз не беспокоить.

Вездесущая улыбка исчезла с лица Ивана Сергеевича.

— Но мы же с вами уже договорились. Вы назначили сумму, я на что-то сориентировался.

— Ну да, конечно, но ведь всего невозможно учесть.

Иван Сергеевич в задумчивости склонил набок голову.

— Ну... так-то оно, конечно, так, но мы же уже договорились.

— Ну, да, конечно. Но ведь всего всё равно невозможно учесть, тем более по телефону.

Иван Сергеевич цокнул языком.

— Н-ну... так-то оно так, но мы вроде как же уже договорились окончательно. А теперь как-то оно не совсем. Вроде как корабль наш уже отплыл от берега, а затем капитан подходит и говорит, что нахождение на палубе стоит дополнительных денег.

Антон вскинулся от такой, как ему казалось, вопиющей несправедливости.

— Да вы что! — воскликнул он, с неудовольствием замечая, что горячится. — Какие дополнительные деньги! Я ничего с вас не вытягиваю, я лишь прошу чуть больше аванс. Я... ну, в общем, это обычное усложнение работ, мне придётся работать дольше, чем предполагалось, вот и всё, не более того. А жить-то надо.

На лице Ивана Сергеевича появилась снисходительно-барская улыбка, точно такая, с какой он попрощался сегодня с выносившими старую стиральную машинку дворниками.

— Да, — сказал он, — я вас понимаю, но уговор дороже денег. Мне казалось, что вы должны были всё предусмотреть. Во всяком случае у вас было время утром, чтобы обсудить этот вопрос. А теперь... Ну... даже не понимаю предмета разговора. Контракт, как говорится, подписан, корабли вышли в море.

Антон почувствовал себя неловко, как будто его уличили в чём-то постыдном. И, ещё более горячась, он повысил голос:

— Но ведь...

— Давайте оставим эту тему, — мягко возразил ему Иван Сергеевич и повторил: — Контракт есть контракт.

Антон, с одной стороны негодуя, а с другой, осознавая в глубине души максималистскую, а скорее даже, казуистическую правоту Ивана Сергеевича, заставил себя замолчать, чтобы не усугублять возникшее противоречие. В конце концов, деньги были очень нужны, а с заказами в последнее время складывалось не очень.

— Хорошо, — через силу произнёс Антон, — сам виноват, что не уточнил сразу. Учту на будущее.

Ёжик на голове Ивана Сергеевича как будто смягчился, и он снова стал улыбчивым радушным хозяином.

— Давайте выпьем за мир, — Иван Сергеевич разлил бутылку до конца, — и за наших хлеборобов. Вот скажите, как вам багет? Очень вкусный ведь, да?

— Да, — преодолевая внутреннее раздражение, тихо сказал Антон.

— А самое забавное, что испечён хоть и французами — есть тут у нас одна хорошая пекарня, — а всё ж таки из нашего кубанского зерна. А завтра я вас накормлю итальянскими макаронами, и опять-таки из того же кубанского зерна. Я их в Елисеевском беру, — заметив удивление на лице Антона, он рассмеялся: — Вот вы сейчас опять мне скажете про дорогую визну Елисеевского. Но! Деньгами надо правильно распоряжаться. Где-то — считать, а где-то — не стоит. Кстати, давайте и за это тоже выпьем. Будем как грузины — много говорить и мало пить, а не как русские — с точностью до наоборот.

После выпитого Антон отошёл от обиды. К тому же, думал он, размякнув, ради такого хорошего приёма можно и чем-то поступиться. Самое интересное, что при всей своей простоте еда была очень вкусной, да ещё при такой изысканной сервировке. Но более всего привлекал старомосковский интерьер квартиры, создававший атмосферу важной, выверенной неторопливости. На полу старый дубовый паркет, стены выкрашены эмульсионкой, полки серванта заставлены статуэтками из фарфора, на стенах фотографии ушедших в иной мир, возможно, предков. Заметно было стремление украсить дом, не прибегая к лишним тратам, но в то же время и не скупясь в небольших деталях.

Доев свою порцию, Антон прервал молчание:

— А как вы понимаете мысль, что деньгами надо правильно распоряжаться?

Иван Сергеевич в задумчивости надел очки и снова снял, подышал на них и принялся протирать салфеткой. Антон в очередной раз поразился тому, насколько нестандартен его новый заказчик. Лицо его вдруг совершенно преобразилось, как у театрального актёра, надевшего маску лучезарно улыбочивого доброго барина. Да, впрочем, в его облике и в самом деле присутствовало что-то барское. Осанкой, посадкой головы он походил на режиссёра Говорухина, только, в отличие от того, хмурого и резкого в суждениях, Иван Сергеевич, в противоположность ему, проявлял обходительность, а в суждениях ненавистчивость, хотя за этой мягкостью скрывалась всё та же твердолобая неуступчивость своего мнения, происходившая, как виделось Антону, из чувства собственного умственного превосходства.

— Ну, деньги нужно держать в ежовых рукавицах. Они имеют свойство жечь руки. Только появились, и уже зуд; на что потратить? — Иван Сергеевич со смехом развёл руками в стороны. — Это первое. А второе... наличие денег не стоит выставлять на показ перед всеми, а только перед умными людьми — перед теми, кто чего-то достиг, чего-то стоит. Вот они могут оценить. А всякой шелупони нужен кич. Они другого не понимают, да и незачем им. Как говорится, — хлеба и зрелищ.

Антону стало не по себе от такой откровенности (хотя он и находил в ней определённую долю правоты), но тем не менее предпочёл не ввязываться в спор.

Иван Сергеевич между тем продолжал рассуждать:

— Да-да, принципы развития общества одни и те же испокон веков. Так вот, давайте вернёмся к нашим баранам. Одеваться надо неброско, но чтобы умный человек видел, что ты одет прилично. Дураку не надо ничего понимать. Приятно, когда встретятся два умных человека.

Антон не удержался и быстро вставил вопрос:

— А что, богатство — признак ума?

Иван Сергеевич стал серьёзным и посмотрел на него, как преподаватель института, навскидку оценивающий умственные способности студента после неудачного ответа на экзамене.

— Ну что вы, Антон! Да разве дураки могут зарабатывать деньги?! — и он замолчал, уставившись на него с видом победителя. Антон поёрзал на стуле, и впрямь почувствовал себя провалившимся экзамен студентом. — И вообще, — снова заговорил Иван Сергеевич, — что есть деньги? Вот как вы считаете, Антон?

Антон, чувствуя, что дно уходит из-под ног, предпочёл отшутиться со смехом:

— Ну, деньги — это зло.

— Деньги? — изумлению Ивана Сергеевича, казалось, нет предела; он тоже рассмеялся в ответ и прочеканил, подчёркивая важность своих слов: — Деньги — это благо! Если они есть, вы можете воплощать свои мечты, хорошо кушать, одеваться, ездить, куда заблагорассудится, общаться с серьёзными людьми наконец. Не будь денежного обмена, человечество было бы привязано к своему бараньему стаду и клочку пахотной земли. Так что, если денег нет, — Иван Сергеевич сделал многозначительную паузу, — то вы ничего не можете. И потом, деньги — мерило.

Теперь очередь изумляться перешла уже к Антону.

— Мерило?

— Да, мерило, — торжествующе провозгласил Иван Сергеевич. — Успешности. Жизненной самоотдачи, наконец.

— Так это же голимый протестантизм, только без религиозной подоплёки.

— Ну что ж, может, и так. Это неважно, как назвать. Суть одна. Человечество во все времена развивалось в русле конкурентной борьбы. Каждый хочет оказаться наверху социальной лестницы, получить побольше благ. А благ на всех не хватает, это аксиома. Деньги помогают избежать хаоса. Кто больше других старается, работает серым веществом, тот и больше зарабатывает. Подумайте только, что бы стало с человечеством, если бы на вершине социальной лестницы оказались тупые ограниченные неандертальцы.

— А ничего бы не было, — Антон спокойно смотрел в глаза Ивану Сергеевичу. — Ничего. Просто одна несправедливая власть сменилась бы другой. Власть всегда паразитирует за счёт народа.

— Здесь я с вами совершенно согласен, но, к сожалению, ничего лучше не придумано.

— К сожалению, да, — согласно покачал головой Антон. — И по-другому нельзя, потому что человек несовершенен и среди нас всегда найдутся и Авели, и Каины, и вообще желающие жить плодами чужого труда. Так что без государственной организации никак.

— Вот-вот. Никак. И без денег тоже. И я к чему веду. А к тому, что всё-таки деньги — мерило успешности.

- А может быть, тогда — способ возвышения над прочими?
- Ну, это уже кто как воспримет. Но никто из выдающихся не бедствовал.
- А Ван Гог?

— Ваш Ван Гог, получается, был дурак. Хотя и гениальный, но дурак! Жить надо здесь и сейчас, а не в какой-то абстрактной истории или памяти человечества, до которой мёртвому уже дела нет.

Антон кашлянул в кулак, собираясь с решимостью, чтобы перебить немного разгорячившегося хозяина.

— Иван Сергеевич, мы с вами так далеко зайдём. Давайте лучше поговорим о чём-нибудь другом.

— Ну что ж, давайте о другом, — разом остыл Иван Сергеевич, старавшийся, как заметил Антон, держаться рамок деликатности.

Они заговорили об иконе, и Антон, увлекшись, провёл маленькую лекцию о тонкостях реставрационного дела, а там перешёл на историю. Иван Сергеевич слушал с интересом, и больше они не спорили.

В одно из утр, когда Антон вышел из лифта на площадку, располагавшуюся на один лестничный пролёт ниже квартиры Ивана Сергеевича, зазвонил телефон. Он отошёл к окну и, услышав надоедливое рекламное предложение какой-то там компании, сразу отключил связь. В это время дверь из квартиры напротив Ивана Сергеевича открылась, из неё вышли двое парней и, не заметив за разговором между собой Антона, поднялись на площадку выше покурить. Послышался развязный смешок одного из них:

— Это... Витёк, забыл тебя спросить: чё это у тебя за соседи такие за такой дверью крутой живут? — и он засмеялся ещё сильнее, балдея от собственной шутки.

— Да чё-чё! Козёл один. Правильный весь такой из себя, улыбочки, «добрый день, здравствуйте, благодарствую», — с сарказмом спародировал Витёк и со злостью повторил: — А сам козё-ёл. Никому в долг не даёт, а деньги-то есть, отвечаю. Давать деньги в долг, говорит, не в его правилах, потому что это портит отношения. А чё портить-то! Нечего! Мой батя хотел с ним как-то на Новый год выпить, так он отказался. Козёл он и есть козёл! Ни с кем в подъезде не знается. Я вообще не вижу, чтобы к нему кто-то приходил.

— Это я понял. Так а чё дверь-то такая стрёмная?

— А я почём знаю? Спроси у него, — и оба громко заржали.

Так Антон приезжал ненадолго к Ивану Сергеевичу почти каждый день, за исключением, конечно же, субботы-воскресенья, и всякий раз они пили за обедом вино и вели долгие беседы, поначалу увлекавшие Антона. Однако спустя какое-то время без вина общаться стало тягостно, потому что менторская манера общения его заказчика, первое время добродушно игнорируемая Антоном, становилась всё чувствительней для его самолюбия. И лишь вино снимало возникшее между ними напряжение. Но даже и тогда Антон избегал острых углов в общении, стараясь придерживаться дистанции доброжелательной вежливости. Иван Сергеевич это чувствовал, и оба держались одного и того же тона.

В один из таких дней они заговорили о судьбе и неожиданно для обоих вдруг позабыли о мнимой дистанции.

— Судьба?.. — пожал плечами Иван Сергеевич. — А что судьба?.. Она предначертана. От яблоньки далеко не отпадёшь.

— Может, оно и так, да не совсем. У алкоголиков профессора рождаются, а у профессоров — дети-проститутки.

— Бывает, — всё так же бесстрастно пожал плечами Иван Сергеевич. — Исключения везде бывают, но ведь никто не знает, что в нём самом таится. Живёт-живёт себе человек как человек. А потом вдруг р-раз! — и паразиты: да тот ли это вообще человек?! В каждом из нас зверь дремлет. В каждом!

— Ну... не знаю. Как-то лихо вы рубите. Если бы оно так было на самом деле, то ни святых, ни героев бы не было.

— А почём вы знаете, что не было в них зверя? Святость не исключает порока, — Антон с недоумением воззрелся на Ивана Сергеевича. Тот в ответ усмехнулся: — Одно другому не мешает. В герое может и трусость скрываться, а святые разве не борются с пороком?

— Ну что ж, — кивнул головой Антон, — убедили. Поспешил, не подумал.

— Это хорошо, что вы принимаете свою неправоту, а то, бывает, заспорит кто-нибудь на ровном месте ни о чём.

— Ну да, вот только всё равно как-то режет меня вот эта мамлеевщина про зверя внутри.

— О! Так вы Мамлеева читали! — обрадовался Иван Сергеевич. — А я с ним знаком. Общался пару раз. Очень приятно поговорили. Умнейший человек, только, как всякие умные люди, со своими странностями. Не всегда поймёшь — одни парадоксы.

— Да уж, это точно, — Антон улыбнулся, радуясь, что затронули интересную тему, — топориком душу человеческую освободить, чтобы посмотреть на неё, — это что-то.

Иван Сергеевич поднёс близко к лицу старинный мельхиоровый подстаканник и рассматривал его так, будто видел впервые. Антону показалось, что его слова чем-то не понравились собеседнику, но тот вдруг с шумом вздохнул:

— Эх-х, а я ведь понимаю этого мамлеевского шатуна. Хотелось бы хоть краем глаза увидеть эту самую душу. Какая она? — он внимательно посмотрел на Антона. — Разве не интересно, а? Ведь интересно же ведь, право? — и, заметив неподвижный взгляд Антона, принял его за согласие: — Вот видите, очень интересно.

— Ну... не знаю, — пожал плечами Антон.

Иван Сергеевич улыбнулся какой-то загадочной улыбкой, какой прежде Антон никогда у него не замечал:

— Но ведь и правда интересно, что там внутри души.

Антон поразили слова Ивана Сергеевича. Как? Такой умный человек и — препарирование души? И даже всякое желание спорить тут же отпало, но всё же так не смог устоять, чтобы не поделиться собственным видением.

— А мне как-то всё равно. Мне кажется, душа в большей степени сознание, может, даже энергетический сгусток, нежели материальная субстанция. Я думаю, это не суть важно. Гораздо интереснее Достоевский — с его темой преображения человека. Что самое важное, у него нигде не звучит осуждение. Он даже откровенно плохого пытается понять, и зло у него не демонстрационное, а такое, как в жизни, когда всё смешивается в человеке — и белое, и чёрное, и красное, и зелёное. А не так, чтобы одна только чёрная краска. Зло ведь и в самом деле такое и есть, я имею в виду человеческое зло, а не абсолютное.

— А что зло? — пожал плечами Иван Сергеевич. — Наверное, Господь Бог зачем-то же его создал. Не просто же так.

Антон, разворачивавший конфету, замер с нею в руках.

— Иван Сергеевич, так зло ведь нетварно. Оно является частью всего несовершенного.

— Это как? Я не совсем понимаю, — застыл в свою очередь Иван Сергеевич, не сводя заинтригованного взгляда с лица Антона.

— Ну, его никто не создавал специально. Оно рождается при столкновении различных эго. Если субъекты совершенны, то противоречия между ними невозможны априори. Ими движет высшая любовь, исключая возникновение самой возможности каких бы то ни было разногласий. И лишь появление этих самых разногласий рождает зло — между субъектами или хотя бы только в самой душе. Как видите, зло существует только и только в несовершенстве.

Иван Сергеевич насупился, переваривая услышанное, затем лицо его прояснилось, расслабилось и вдруг озарилось лукавой улыбкой.

— А может, там и нет ничего. Что-то думаем, думаем, страдаем, бьёмся рыбой об лёд. А там и нет ничего! Во как! — он криво усмехнулся. — И все наши жертвы и церковные посты просто лишают нас части удовольствий и расслабленности духа.

В лукавом озорстве его заблестевших глаз искрилось огнём нечеловеческого веселья что-то липкое, пугающее и отталкивающее, как смертельная зараза.

— Вы же вроде верующий человек, — поразился Антон. — Как на вашем месте можно такое думать?!

Снисходительная усмешка чуть изогнула тонкие губы Ивана Сергеевича и тут же исчезла, оставив на лице покаянное выражение, но почему-то с непроходящей даже в такой момент улыбкой.

— Ну, грешен. Сомнения, как у любого человека, случаются. Грешник аз есмь, — он шуточно развёл руками, и Антон заметил, что ладони его розоватые и неприятно гладкие, как целлофановые, — с мелко испещрёнными линиями, а пальцы артистически тонкие и длинные. И все главные линии — судьбы, жизни, любви — были какими-то совсем неглубокими, почти не выделявшимися среди других, незначительных.

Реставрацию иконы Антон завершил в срок. Иван Сергеевич, очень довольный результатом, устроил напоследок замечательный обед. Запечённого в яблоках гуся Антон едал и раньше, но он ему не нравился, и только у Ивана Сергеевича, наконец, открылся настоящий вкус знаменитого блюда.

— О! — воскликнул хозяин. — Тут есть маленькая хитрость: нужно использовать только антоновские яблоки, причём исключительно спелые, чтобы побольше сладкого сока.

На прощание оба разошлись, и за привычной бутылкой любимого «Бастардо» последовала бутылка настоящего «Хеннеси». Захмелевший Иван Сергеевич смягчился и разговаривал теперь на равных, оставив поучительную манеру, и расстались без осад-

ка в душе, как добрые знакомые.

После этого Антону подфартило с заказом. Три месяца он занимался реставрацией икон в старинном храме в Новгородской области, неплохо заработал и вернулся в Москву в самом прекрасном расположении духа. В это время как раз проходил чемпионат мира по футболу, и Антон отправился вечером в гости к Сергею Выборову, чтобы вместе с ним и ещё двумя бывшими одноклассниками по институту поболеть за сборную России в матче с саудитами. Перед началом трансляции забежал в «Пятёрочку» за водкой и, барражируя по магазину в поисках закуски, неожиданно-негаданно едва не натолкнулся на Ивана Сергеевича. Тот стоял в очереди в кассу, и Антон, подошедший как раз следом, отшатнулся при виде своего заказчика и, отступив за неработавшую соседнюю кассу, затаился со своими двумя бутылками в руках.

— У вас же скидка на сервелат, — донёсся до него недовольный голос Ивана Сергеевича, — я специально ради неё к вам приехал. Прочёл в интернете и приехал. А у вас... Что за безобразия?!

— Это уже устаревшая информация, — невозмутимо ответила сидевшая за кассой симпатичная крашеная блондинка. — Я не знаю, что там на сайте, но у нас эта скидка уже не действует.

— Так зачем же вводить людей в обман? — в голосе Ивана Сергеевича зазвучали негодующие нотки.

— Я вас понимаю, — всё так же невозмутимо и терпеливо ответила кассир, — но ничем помочь не могу. Обращайтесь к администрации.

Антон, терпеливо ждал, когда Иван Сергеевич, при всём своём недовольстве, всё-таки заплатит и молча уйдёт, но тот неожиданно оставил на ленте продукты и со словами: «Издавательство какое-то! Столько проехать ради обмана!..» — вышел из магазина.

В другой раз они встретились, опять же совершенно случайно, в «Букинисте» на одной из множества малых улочек-переулочков неподалёку от Патриарших, куда Антон приехал вместе с Сергеем Выборовым. Хозяин магазина Михаил Ильич, знавший об увлечении Сергея поэзией Игоря Северянина, специально для него отложил сданную кем-то раритетную книгу ещё прижизненного издания поэта. Михаил Ильич водил знакомство с Выборовым уже больше десяти лет — с той самой поры, когда Сергей угодил любителю антиквариата дизайн-проектом внутренней отделки загородного дома. А работа была сложной: стиль русского модерна не всякому художнику-прикладнику под силу. Хорошо разбирающийся в искусстве Михаил Ильич как никто понимал это. Так и повелось с той поры, что в каждый большой праздник он поздравлял Сергея.

При входе в магазин колокольчик за их спиной звякнул, и двое любезно переговаривавшихся между собой мужчин разом обернулись. Одним из них оказался не кто иной как Иван Сергеевич.

— Ба! — в соответствующих интерьерах старины воскликнул он. — Знакомые всё лица! Антон! Какими судьбами?

— Да я вот — с другом пришёл.

Они разговорились, и на прощание Иван Сергеевич дружески пожал ему плечо, что приятно удивило Антона, ведь он боялся, что тот заикнется на том напряжении, которое возникло между ними в последнее время их общения; а что касается душевного расставания в последний день его работы, так они были под хорошим хмельком, когда всё кажется куда лучше, чем есть на самом деле. И сейчас Антон был искренне рад благоразумию бывшего заказчика.

— Вы заходите в гости. Всегда рад, — сдержанно, но от души сказал Иван Сергеевич.

— А я его знаю, — сказал Сергей, когда они вышли из магазина.

— Кого? Ивана Сергеевича? — сообразил Антон.

— Да, Ивана Сергеевича. Я с ним уже здесь встречался. Он приятельствует с Михаилом Ильичём. Михаил Ильич не болтлив, но кое-какие фразы между ними я слышал, уши же не закроешь. Твой Иван Сергеевич в своё время состоял в «Памяти», занимался восстановлением разных церквей. И кстати, у него ценная коллекция дораскольных церковных книг.

В одну из суббот, когда Антон размышлял, каким образом использовать выходной день, позвонил Выборов.

— Антон, дело есть, — сразу без обиняков начал он, — мне сейчас позвонил Михаил Ильич, ты должен помнить его, — владелец «Букиниста».

— Да, помню.

— Ну вот. Дело касается твоего Ивана Сергеевича. Михаил Ильич уже три дня не может до него дозвониться. Звонки идут, а трубку никто не берёт. Они должны были встретиться, а Иван Сергеевич не приехал. В общем, Михаил Ильич переживает, го-

ворит, что что-то случилось, потому что Иван Сергеевич обязательный человек. Это во-первых. А во-вторых, у Михаила Ильича родственник серьёзный пост в милиции занимает. Короче, он посмотрел видео с подъездной камеры. И получается, что Иван Сергеевич три дня никуда не выходил. Открыть дверь бесполезно: там какой-то особенный сложный замок. И сама дверь не так проста, как кажется. Там можно всё вокруг снести, а она останется, очень хорошо закреплена. В общем, Михаил Ильич знает, что я альпинист, и предложил спуститься с крыши по верёвке, там форточка как раз открыта.

— Хорошо, я понял, Серёга, а мне-то для чего звонишь? Я же не альпинист и никак не могу тебе помочь.

Выборов выдохнул в трубку, и Антону представилось, как он где-то там пожимает плечами от сдерживаемого раздражения:

— У... Да я просто подумал: может, тебе интересно будет. Всё-таки ты знакомство с ним водил. Мало ли? Если хочешь — приезжай. Я уже еду. Да в самом деле, чего рассуждать? — приезжай! Я думаю, тебе и в самом деле будет интересно. Всё ж таки ты с Иваном Сергеевичем более-менее общался.

Антон задумался: вроде и в самом деле никакие архиважные дела не препятствовали.

— Ладно, выезжаю.

Антон приехал быстро. Выборов, с альпинистским снаряжением, уже стоял возле подъезда вместе с каким-то крепким невысоким полковником полиции и молодым высоким худосочным лейтенантом.

— Ну что, Антон, — обратился он к нему после приветствия, — будешь понятным. А я полез. Добро?

— Добро.

Выборов не заставил себя долго ждать, — как говорится, не прошло и пяти минут, как он открыл дверь изнутри.

В нос сразу жешибанул запах мёртвого тела — ещё свежего, не начавшего разлагаться. Иван Сергеевич лежал в коридоре. В руках он держал ту самую икону, которую отреставрировал Антон. Под худой серой кистью находился измятый лист.

Полковник без всякого чувства брезгливости, но осторожно, чтобы не порвать, вытащил его из-под руки покойного и, близоруко отстраняя от себя на расстояние, стал читать. А прочтя, посмурил, медленно покрутил головой из стороны в сторону и с поджатыми в струнку губами стал перечитывать заново, не замечая или не обращая внимания на выглядывавших из-за его плеча Антона, Выборова и лейтенанта. Корявым и размашистым почерком, в котором буквы прыгали вверх-вниз, отличаясь друг от друга размерами, было написано: «У меня нет детей, и мне некому оставить коллекцию. Это самое дорогое, что у меня есть, поэтому завещаю захоронить её вместе со мной. Иван Сергеевич Полончук».

Брови невозмутимого полковника изогнулись в нескрываемом изумлении. Антон переглянулся с Выборовым. Никто не произнёс ни слова, и лишь лейтенант проявил простоту, свойственную молодости, с удивлением взирая на начальника:

— Товарищ полковник, а что, такое возможно?

ШУРОЧКА

В половине третьего ночи, точно по расписанию, поезд замер на минуту посреди леса и, едва дождавшись, когда я спрыгну прямо на насыпь, снова застучал стальными колесами по рельсам и исчез в темноте. Я уже не первый год приезжаю в Таежный на охоту и каждый раз удивляюсь, как машинисту удается не прозевать станцию, ведь единственным ориентиром для него является свет одиноко горящего фонаря — ни станционного здания, никаких признаков даже заброшенного жилья, не говоря уже о простой платформе. Сам поселок находится всего в километре, а от него мне еще топать двадцать километров до охотничьей избушки. Идти ночью даже лучше, чем днем: свежо и в темноте двигаешься как автомат: идешь, идешь по заросшей дороге, ведущей в заброшенную деревню на берегу быстрой речушки, в которой еще ловится хариус, — и вдруг на рассвете, когда сумрак рассеивается, выясняется, что путь почти весь пройден. Про эту деревню уже мало кто помнит, мне же ее показал дядька, лет двадцать тому назад валивший неподалеку лес. Дядька больше не охотится — здоровье сдало, а я вот езжу. Дома все давно уже раскатали и вывезли, но один домик каким-то чудом остался нетронутым; в нем я всегда и располагаюсь.

В отличие от большинства охотников-любителей, я предпочитаю охотиться в одиночку, даже без собаки. В сущности, я ведь приезжаю не ради трофеев и уж тем более не ради того, чтобы попить водки — для этого существует коллективная охота. Просто так легче почувствовать хоть более или менее единство с этим могучим суровцем по имени тайга, дружбы которого так хочется добиться. Я один, и он один, только тогда он станет разговаривать со мной — без единого слова, но я услышу, пойму и буду счастлив и бесконечно благодарен. Именно поэтому я и не ценю групповую охоту: там много пустого, а главное ускользает. Однако у каждой медали есть оборотная сторона. Ценой ошибки для любого таежника-одиночки может оказаться жизнь или здоровье. Это не значит, конечно, что охотники мрут как мухи, но можно нарваться на медведя; бывают несчастные случаи; в конце концов охотник запросто может заблудиться или оказаться без должного ухода и лекарств наедине с внезапной хворью — да мало ли что может произойти.

В первый день я охотился мало, зато на второй поднялся с рассветом, и охота задалась. К трем часам дня я настрелял уже семь рябчиков и, посчитав, что лучше не гневить удачу жадностью, отправился в свою избушку. Путь мой лежал мимо болота, и я решил собрать немного брусники для морса. Клюквы еще попадалось достаточно, а вот брусники, как и следовало ожидать, было уже совсем мало — так, по одной-две ягодки кое-где. Мне же хотелось именно ее: не так кислит. И я упорно продолжал чавкать сапогами по ржавым лужицам, наклоняясь за красивыми крепкими ягодами. Неожиданно у меня заболела голова. Боль стремительно нарастала, и надо было бы уже уйти наконец, но... я по-прежнему терпел. Вскоре лоб заломило невыносимо, и, скрючившись как старичок, я с трудом доплелся до суши. И здесь совершил вторую ошибку: прилег прямо на землю, от боли не найдя в себе воли наломать хотя бы свисавшего едва не до земли пихтового лапника, чтобы подстелить под спину. А в начале октября этого делать не стоило. Через некоторое время боль притупилась, но меня охватил озноб.

Еще было светло, однако приближение вечера уже наметилось: тени начали вытягиваться. Я поспешил к своей избушке, потому что точно знал, что заболеваю: знобило уже ощутимо, идти стало тяжело. Я мечтал о неприятном уюте своего жилища и живо представлял, как буду слушать потрескивание сгорающего в огне валежника, как буду наблюдать за синими язычками разгорающихся сыроватых веток и ярко-желтыми язычками — сухих.

Все эти фантазии так и остались фантазиями: оказавшись, наконец, в избушке, я ощущал себя уже настолько обессиленным, что первым делом завалился на нары, укрывшись с головой стареньким шерстяным одеялом, сразу же уснул. Спал я плохо и, открыв поутру глаза, долго лежал, размышляя над тем, что же дальше делать. Лучше мне не стало, сил не было даже встать с нар. Конечно, стоило бы как-нибудь дойти до станции, а там уж дотерпеть ночь в поезде да полчаса в трамвае и вызвать уже из дома скорую. Однако двадцать с гаком километров, без особого напряжения преодоленные по приезду, в нынешнем моем состоянии пугали меня. Приемлемее выглядела вторая возможность: вниз по реке, в семи километрах, находилось село. Такой выбор отдалял меня от станции уже почти на тридцать километров, но я надеялся добраться до нее из села на машине.

Идти, понятное дело, было тяжело: если еще вчера я свободно поднимал одной рукой пятидесятикилограммовый мешок, то сейчас еле тащил полупустой рюкзак, часто присаживаясь у деревьев перевести дух.

«Как тонка грань между жизнью и смертью, между молодостью и старостью. Сегодня ты силен, а завтра бессилён», — подумалось мне. Когда-то в школьном кабинете биологии красовался плакат: «Человек — царь природы». Никогда раньше этот лозунг не казался мне таким глупым, как сейчас, — глупейший изо всех глупейших, выдуманных когда-либо человеком. Этому царя собственный «слуга» прихлопнул бы сейчас ладошкой и не заметил. Я — царь! М-да... Жалкое зрелище жалкого царька, выдающего желаемое за действительное. Ну как тут не посмеяться над чванством муравья, уносимого внезапным порывом и возвещающего на весь лес, что он управляет ветром?!

На окраине села, куда я вышел, строилась церковь. Особо не размышляя, я сразу отворил калитку. Неподалеку, у забора, два бородатых мужика укладывали бревно на стоящую под навесом пилораму. Заметив меня, они остановились.

— Бог в помощь, мужики, — вспомнил я полагавшееся в таких случаях в православной среде пожелание и протянул ладонь.

Оба неторопливо сняли по верхонке и крепко пожали мне руку.

— Как бы мне священника увидеть?

— А никак, — ответил тот, что был постарше — лет пятидесяти, низенький, как говорится, метр с кепкой, но мощного телосложения мужичок с цепким взглядом. — Уехал батюшка в Таежный.

— Может, посоветуете, как бы и мне добраться до Таежного? — спросил я.
— Нет, сейчас невозможно. Никак дорога после дождя не высохнет, так что никак не проехать.

— А как же батюшка-то уехал? — пожал я плечами в недоумении.

— Так только на его «уазике» и можно проехать. А больше ни на чем сейчас и не проедешь. А что у тебя за дело такое?

— Да заболел я. Приехал поохотиться — и на тебе. Боюсь, как бы не воспаление.

— А ну-ка пошли со мной, — низенький мужик без всяких церемоний положил руку мне на плечо и тихонечко подтолкнул вперед. — Пошли... пошли.

Тут же на территории строящейся церкви находился жилой дом. К нему он меня и повел. Мужичок по-хозяйски широко распахнул дверь, и, войдя вслед за ним внутрь, первым делом я с радостью ощутил, как хорошо протоплена изба. Посредине большой комнаты стоял длинный стол, за которым две женщины чистили крупную картошку. Слева располагалась еще одна комната — поменьше первой. На противоположной стене висела большая деревянная икона с полустершимся от времени ликом.

— Человеку вот надо помочь, захворал он, — обратился мужичок, указывая на меня. — На Дальней Гари охотился... вот такое дело. До станции ему оттуда тяжело идти... до нас вот добрался... Анна, пусть он тут у вас сидит, пока я за Аллой Владимировной схожу. Напой человека чаем... пошел я, — и прежде чем скрыться за дверью, сказал уже мне: — Присядь пока, в ногах правды нет.

Одна из сидевших, круглолицая, приятная внешне пожилая женщина поднялась и включила электрический чайник. Затем вновь присоединилась к напарнице.

Пока вода закипала, мы познакомились, и я, отвечая на вопросы женщин, поведал им свою историю. Круглолицая женщина, как я и предполагал, оказалась Анной, а вторую звали Александрой, но Анна называла ее Шурочкой. Анна, видимо, была у них за старшую, и говорила тоже все она, а Шурочка молчала.

Я с удовольствием выпил одну кружку горячего чая с медом и принялся за вторую, когда за дверью послышались шаги, затем в избу вошел все тот же мужичок с пожилой, но еще привлекательной женщиной. Она перекрестилась на икону и, слегка наклонив голову, поздоровалась молодым и очень приятным голосом, сопроводив свое приветствие сдержанной улыбкой вначале женщинам, а потом и мне.

— Ну, что там у вас? — подошла она ко мне. — Рассказывайте. А пока температуру померьте.

Температура у меня оказалась высокая — тридцать девять и два. Но после прослушивания легких Алла Владимировна, как я понял, врач по специальности, успокоила меня:

— Воспаления у вас, к счастью, нет. Обычная простуда. Но вообще я вам скажу: так на собственном здоровье ездить нельзя. Все вы мужики одинаковы, совсем не бережетесь, как будто мешок жизни под кроватью стоит. Одна жизнь-то!

— Да это понятно, — я сокрушенно вздохнул, как провинившийся школьник; по правде сказать, я всегда чувствовал себя не в своей тарелке с врачами и милиционерами.

— Ну, коли все понимаете, то придется выполнять мои предписания. В первую очередь, полный покой, постельный режим. В общем, поживете, пока батюшка не вернется, в этом доме. За вами здесь и поухаживают, и накормят.

Ничего другого, как согласиться, в моем нынешнем состоянии мне не оставалось. Запив водой выданную Аллой Владимировной таблетку парацетамола, я улегся в маленькой комнате и слушал, о чем говорили женщины, да поглядывал в окно. На улице было пасмурно, и выходить куда-то из теплого дома не хотелось; лежал бы и лежал так не знаю сколько. Где-то взвизгивала, вгрызаясь в дерево, пила, стучали молотки, кто-то кому-то кричал. А мне не было ни до кого и ни до чего дела: я просто слушал чужую, совершенно неведомую мне жизнь, и ничто не напрягало меня. При всем при этом мне вовсе не было скучно, хотя дома бездействие меня всегда угнетало. Даже неторопливый разговор женщин и дробный стук шинковавшего овощи ножа звучали для меня баюкающей музыкой. И я уснул.

Проснулся я от шума голосов. Из кухни выглянула Анна и спросила:

— Как вы себя чувствуете?

Привстав на локти, я покрутил шеей, с удовольствием ощущая, как слегка захрустели позвонки.

— Гораздо лучше.

— Ну, тогда пойдете с нами пообедаем.

Я согласился и вышел ко всем. За столом уже сидели еще три женщины и четверо мужиков моих лет. Вошел тот мужик, что привел меня сюда, — вместе с напарником.

— О, Петрович пришел. Ну, пора приступать, — разом заговорили люди, поднимаясь со своих мест.

Повернувшись лицом к иконе, стали молиться. Я стоял позади всех и дожидался окончания молитвы.

— Не веруешь, что ли? — обратился ко мне с вопросом Петрович.

— Бога признаю, церковь нет, — ответил я.

— А... ну смотри, немаленький уже, своя голова на плечах, — спокойно сказал Петрович и принялся за еду, удивив тем, что, вопреки моему ожиданию, не стал проповедовать невежде свою единственно верную из всех правд правду.

Сидевшая напротив меня старушка, подавая за вторым свою миску, вдруг посмотрела прямо на меня, и в ее глазах проскочила озорная хитринка:

— Ну а как вам наш храм?

— Ну как? — пожал я плечами в изумлении. — Красивый. Разве бывают некрасивые церкви?!

— Да, в общем-то, да, — согласилась со мной старушка. — Просто нам самим очень нравится наш храм. Жаль, молодежь не хочет ходить. Одна вот Шуручка и отдувается за них.

Я машинально взглянул на Шуручку и заметил, что она покраснела в смущении. Не поднимая глаз, молча поставила на стол большую миску с гречневой кашей и, отойдя к окну, стала оттуда за всеми наблюдать. Щеки ее по-прежнему пунцовели. Выглядела она лет на тридцать с небольшим. Приятная, но не так чтобы уж очень. И тихая какая-то уж больно, как пришибленная.

За столом больше говорили о погоде, о том, что осень, по приметам, должна быть теплой и сухой. После обеда снова помолились да и разошлись по своим делам, а я опять завалился спать. Шуручка с Анной принялись убирать со стола.

Но сон не шел, и я попросил что-нибудь почитать. Шуручка порылась в тумбочке и достала старый, пухлый от времени церковный журнал.

— Вот, больше ничего нет, — произнесла она, и я понял, почему Шуручка до сих пор молчала: речь ее была заторможенной, как у глухих.

— Ну и ладно, пойдет, все равно не просто так валяться, — согласился я.

— Ты, главное, отдыхай... отдыхай, — перешла на ты Анна, — тебе сейчас сил надо набираться.

Подложив повыше подушку, я принялся просматривать церковный журнал. Признаться, в любом другом случае такая литература меня бы не заинтересовала, но на безрыбье и рак рыба. Вначале я просмотрел фотографии, потом, заглянув в статью о каком-то немолодом, видимо, заслуженном священнике, увлекся ею и, начав читать с середины, вернулся к самому началу и прочел в итоге до конца.

Все же мне удалось уснуть. Сон был глубоким; проснувшись, я уже не чувствовал себя так, как это было прежде, — будто меня переехала телега. Женщины уже ушли по домам, оставшийся вечер я коротал со сторожем — дедом Пахомом. «Зови меня Пахомом», — велел он мне при знакомстве, но обращаться так запросто к старику я не решился и называл дядей Пахомом.

Мы разговорились. Я в основном слушал, а дед Пахом, как свойственно всем старикам, предпочитал в разговоре солировать. Как-то незаметно он перешел на молодежь и на Шуручку.

— Вот ты не гляди, что она такая с виду. Это оно так только кажется. С речью у нее нелады, вот и кажется. На деле-то оно не так все. Умная она девка... очень, образованная-то, понятное дело, нет, да оно ей ни к чему: любого грамотея за пояс заткнет. Ты присмотришься к ней. Был у нас такой случай, давно уже... помнится, Пасха в тот год поздняя была, чуть не в мае. То ли восемь, то ли семь годков тому. Ну где-то так примерно. Наведался тогда летом к Матрене (есть тут у нас такая) внук с другом погостить... на рыбалку приехали. Первый день пропьянствовали, а на второй, правда, ничего — собрались на реку. Бабы рассказывали, а им Матрена: Шуручка увидела этого внука-то с другом на дороге да как пристанет к дружку-то этому: уезжай, дескать, скорей, пока не поздно, не то быть беде. Тому бы послушаться, да кто ж всерьез бы принял на его месте ее слова. Как говорится, задним числом все мудрецы — так оно всегда в жизни бывает. Посмеялись над Шуручкой — блаженная, мол, — да и ушли, а Шуручка-то права оказалась: утоп гость-то, в тот же день и утоп по пьянке... Дернул его леший купаться надумать. Вода-то еще холодная. У Матрениного-то внука хватило ума в воду не лезть, а этот вот и утоп понапрасну. Так-то вот оно, чует она человека. Не знаю как, а чует ведь — и все тут. У нас ее даже побаиваются, — дед Пахом задумался на миг о чем-то о своем и продолжил: — Так вот оно... дар, видать, у нее такой — человека видеть.

Он замолчал, и я, воспользовавшись паузой, спросил:

— А чего же она замуж до сих пор не вышла?

— А судьба у нее, знать, такая. И потом, какие у нас женихи? Все разъезжаются, а которые остаются — то название одно, а не женихи. Вовремя не успела выскочить, а теперь уж судьба одной вековать. Да и куда ей ехать-то?.. У нас дом копейки стоит, да

и тот еще кому-то продать нужно. И что она даже в том же Таежном купит? Сотку под забором?..

— Да уж... — вздохнул я.

— То-то и оно! — сердито пробурчал дед Пахом.

Мы поговорили еще немного и легли спать. Дед Пахом почти сразу и захрапел, да и я тоже долго не церемонился.

Проснувшись, я почувствовал себя значительно лучше. Температуры уже не было, и лишь небольшая слабость напоминала о перенесенной болезни. Дед Пахом уже успел согреть чай, и мы выпили по три стакана с медом до прихода Шуручки и Анны, после чего он сразу же ушел домой. Я тоже оделся и вышел на улицу, так как лежать в кровати, будучи практически здоровым, мне было неловко, а мешать женщинам не хотелось.

Времени у меня теперь было вдоволь, и, чтобы хоть как-то убить его, я тщательно осмотрел церковь и снаружи, и внутри. Церковь, понятное дело, была деревянной. Особых архитектурных изысков, на мой взгляд неспециалиста, не обнаруживала. Затем я отправился бродить по деревне и за этим занятием едва не пропустил обед. Точнее сказать, пришел на него, когда все уже заканчивали трапезничать.

— Где же ты так долго ходишь, мы уже ждем-пождем, когда же наш гость наконец объявится, — встретила меня у порога Анна.

— Привыкать уже стали, — поддержала напарницу Шуручка, с трудом выговаривая слова.

— Куда тебе ехать? Оставайся у нас. Мы за тебя Шуручку отдадим. Смотри, какая молодушка! — пошутил Петрович, громко рассмеявшись собственной шутке.

Я в ответ лишь улыбнулся, предпочтя промолчать, заметив, как смущенно покраснела Шуручка.

— Все бы тебе пересмешничать, — вмешалась в разговор незнакомая мне старушка, — че девку-то попусту смущаешь?

После обеда все опять разошлись по делам; Анна, сославшись на то, что захворала коза, тоже ушла вслед за остальными. Я сел за стол и стал листать от скуки вчерашний журнал. Внезапно ни с того ни с сего я вскинул голову и встретился взглядом с внимательно смотревшей на меня Шуручкой. Только теперь я заметил, что смотрит она не по-бабы, а по-девичьи — коротко, резко обрывая взгляд.

— Хочешь еще чаю? — произнесла она непослушным языком.

Мне показалось, что ее красивые карие глаза высветили меня, как рентгеном, до самых потаенных уголков души. Мне стало не по себе, так что я даже поежился, как от озноба, при одной мысли, что она, верующая, чистая женщина, видит меня, светского человека, и таким, каким в любой другой среде мне не зазорно, но вот именно перед ней — стыдно. От неловкости я уткнулся в журнал и, не успев ничего сообразить, тут же согласился:

— Да-да, конечно.

Чай был горячим, и, отхлебывая его маленькими глоточками, я стал расспрашивать Шуручку о жизни в деревне. Говорить ей было трудно, и я старался задавать вопросы так, чтобы получать однозначные или короткие ответы. При этом во взгляде ее отражалось ровное, идиллическое спокойствие умудренного размеренным ходом жизни человека. Не знаю, что меня толкнуло, но я вдруг спросил Шуручку, отчего же она не пошла в институт. Боялась, что затруднения с речью? Она утвердительно кивнула головой. В детстве испугалась? Да, — снова кивнула Шуручка. А что же тебя родители не лечили? Лечили, в Таежном, но далеко ездить, и врач потом уехал. «Эх, Шуручка, да ведь тебе надо было институт заканчивать, у тебя такие умные глаза». Шуручка зарделась и вскинула на меня короткий благодарный взгляд.

С того момента некоторое напряжение, всегда присутствующее при первом знакомстве, между нами исчезло. Я снова ушел бродить по деревне, прогулялся по тайге, а когда ближе к вечеру вернулся обратно, Шуручка встретила меня уже со спокойной улыбкой и не опускала поспешно глаз, встречаясь со мной взглядом.

После ужина работники разошлись, а Шуручка задержалась с уборкой.

— Знаешь, Шуручка, — промолвил я, — гляжу вот на тебя и не пойму, куда же мужики смотрели? Почему не замужем-то? Провыбиралась сама или так сложилось?

Она пожалала плечами, грустно поджала губы в трогательной детской улыбке и вместо ответа на мой вопрос произнесла:

— Завтра батюшка должен приехать, так что ты от нас уедешь.

— Да, и так задержался. Пора уже.

— А ты побудь еще чуть-чуть, а потом и уедешь себе спокойно. У нас хорошо, — Шуручка снова улыбнулась по-детски наивно, и, заглядывая в эти чистые карие глаза, осветившиеся изнутри, я невольно улыбнулся в ответ так, как не улыбался уже сто лет.

— Рад бы, Шуручка, да никак нельзя. Я же подневольный человек. Работа! — и,

преодолев возникшую во мне неловкость, добавил: — А ваши мужики все равно дураки.

Шурочка смутилась и перевела разговор на другую тему:

— А чего ты церковь не признаешь? Бога вот признаешь, а церковь нет.

— Да посмотришь на попов — и всякое желание идти в церковь испарится.

— Так ведь в церковь-то мы не к попам идем, — Шурочка заволновалась и оттого стала произносить слова с еще большим напряжением.

Мы заспорили, и Шурочка улыбнулась (улыбчивость была ее естественным состоянием):

— Я не умею говорить, у меня лучше получается записывать свои мысли. Читаю их потом. Интересно ведь, что я думала, как сейчас думаю. Я вообще очень люблю читать. Если хочешь, покажу, что написала, только ты никому не говори. Я никому не показываю.

Я заверил Шурочку в своей джентльменской порядочности, и она, ненадолго отлучившись, принесла мне из дома потрепанную тетрадку.

Вскоре пришел дед Пахом, и Шурочка ушла. Дед, как и вчера, рассказывал, я слушал. Затем он лег спать, а я принялся за чтение. Признаться, я рассчитывал просмотреть из вежливости страничку-другую обычной женской сентиментальщины, но в итоге с удовольствием прочел большую часть записей. Неужели так могла написать молодая женщина, да еще деревенская, без образования? И хотя писала она в основном на совершенно чуждую мне религиозную тему, ничто не раздражало меня в этот раз. Напротив, я впервые подумал, что православие может состоять не только из дорогого парчового облачения священства, богатых храмов, деревянных икон, восковых свечей и бабушек в платочках, но и уходить глубже церковной помпезности.

«Подобно тому, как винтовка уравнивает большого и маленького, покаяние уравнивает слабого и сильного перед Богом. Ведь при покаянии одинаково очищаются оба — и тот, кто получил силы преодолевать, и тот, кому эти силы не приложились ни при рождении, ни воспитанием. Покаяние — высшая справедливость, а не выдумка людей», — поражался я неожиданному откровению Шурочки, до какого сам бы никогда не додумался при всем своем институтском образовании.

«Я бесконечно благодарна Господу за то, что наделена совестью; при помощи ее мне более или менее удастся не переступить черту, за которой теряется достоинство человека. Совесть — это такой замечательный инструмент для человеческой души».

«Ну откуда молодая деревенская женщина без высшего образования может знать, что слово «инструмент» употребляется еще и в качестве философского понятия? — удивлялся я. — Понятное дело, где-то прочла, но ведь уяснила!»

«Как страшен человек! Как легко он соглашается быть зверем. Как же ему можно жить без Бога?»

То ли Шурочка действительно хотела поделиться сокровенным, то ли через свои записи проводила для меня ненавязчивую проповедь, и все же, отдавая рано поутру тетрадь, я был искренне рад, что, хваля Шурочку, ни капельки не кривлю душой.

— Я рада, что тебе понравилось, — обрадовалась она. — Оставайся...

Договорить Шурочка не успела, потому что за дверью послышались быстрые шаги, дверь распахнулась и вошел Петрович.

— Батюшка приехал. Отдохнет немного, сам и отвезет тебя в Таежный.

Священник оказался молодым, лет тридцати, веселым малым. Вечерний поезд из Таежного отправлялся только в половине одиннадцатого вечера, а езды, по его словам, выходило, при самом неблагоприятном раскладе, не более чем часа на два. Так что впереди был еще целый день.

Чтобы хоть как-то отблагодарить хозяев, я стал помогать строителям. Петрович выдал мне пару рукавиц и отправил перетаскивать вместе с одним стариком доски из-под навеса в церковь. В какой-то момент старик отлучился, а меня заинтересовал лежавший в опилках крупный жук-носорог. Мимо, как я почувствовал, кто-то проходил, и, подняв голову, я увидел Шурочку.

— Привет, Шурочка. Вечером вот уезжаю, — улыбнулся я.

— До Покрова не уезжай, без тебя будет скучно, — озарилось в ответ Шурочкино лицо. — Оставайся!

После обеда все опять разошлись, Анна тоже ушла, а мы с Шурочкой продолжили чаевничать. И в который уже раз она произносит:

— До Покрова не уезжай... ты веселый — без тебя будет скучно.

Бедная, бедная Шурочка, я должен был ответить тебе, что дома меня ждут жена, дети. Но я промолчал об этом. Живо увидел, как потухнет мерцающая искорка в оживших после многолетней спячки глазах, и не хватило духу. И зачем только я улыбнулся тебе вчера теплее, чем следовало?.. Чтобы растопить корку льда, скрывавшую во взрослой девочке не знавшую любви женщину? Ну почему так бывает? Почему никто

раньше не принял в себя этот свет, так некстати прорвавшийся из твоей души именно сейчас? Только потому, что Шурочка плохо говорит? А эти глаза, улыбка, правильные черты лица и бесконечный поток света? Это зачем? Просто так? Как глупы люди! Милая кареглазая снегурочка, если бы ты знала, для какого грешника оттаяло твое сердце! Да не будь даже у меня семьи, разве осмелился бы и тогда прикоснуться к твоему сиянию! Ночь не сходится с днем... Может, потому никто и не подошел к тебе? Не из молодых, конечно: тех пугает отклонение от нормы — а из тех, кто поглубже прикоснулся к знанию жизни, познал, как золото оказывается позолоченным свинцом, а протой темный камешек — бриллиантом.

Шурочка сидит рядом, и я чувствую, как она тянется ко мне, внешне оставаясь неподвижной. И мне не по себе, оттого что я не могу потянуться в ответ. И сам себе я представляюсь сейчас камнем, на который сбредивший с чего-то ветер бросает горящие августовским солнцем пшеничные зерна. Я напрягаюсь — она тоже застывает — прямая, как у Майи Плисецкой, струнка спины. Для кого-то, скорее всего, просто спина, а не струнка, но они не видят, Шурочка, в тебе девочку, как я. Для них ты просто одинокая женщина с легким жизнерадостным характером.

Вот ты уже идешь по двору, а я смотрю на тебя в окно. У тебя глаза девочки, а ноги женщины. При ходьбе ты слегка косолапишь их, как это делают неуверенные в себе люди. Непонятно, почему ты так запала мне в душу, ведь это не любовь, а обычная жалость, может быть, даже и к себе — пронзительная тоска по несбывшемуся. Нет, я не сожалею о своей судьбе, соединившей меня со своей женой: я люблю ее. Но о таком свете, рождающемся в одной из миллионов, мечтает каждый неглупый мужик, даже полностью счастливый. И этот свет, что больнее всего, наверное, так и потухнет в тебе, никем не востребованным. Странна, поразительно странна эта хитрая штука под названием судьба: вознесет на вершину непонятно что — и не заметит соли... сути... света... солнца...

«Твоя жена очень хорошо готовит?» — спрашиваешь ты меня непослушным языком (бедная Шурочка, тебе уже рассказали, и ты все знаешь — я ведь говорил с дедом Пахомом о семье). «Хорошо», — отвечаю я.

Глаза у тебя подергиваются печальной пеленой, и губы мягко раздвигаются в виноватой улыбке: «У тебя красивые дети?» — и я не могу понять, то ли ты спрашиваешь, то ли утверждаешь: слова звучат нечетко и тихо. У меня и в самом деле красивые дети, но я задумчиво пожимаю плечами: «Наверное». — «А жена тоже красивая?» — «Пожалуй, да».

Ты спокойно улыбаешься, по-детски чистая, всегда радующаяся чужому счастью. И вдруг улыбка деревенеет на твоём лице мертвой маской. А я ненавижу себя за то, что выронил из блокнота семейную фотографию. Ты рассматриваешь моих детей, жену, а я клянусь себя за то, что из-за меня тебе больно, ведь ты видишь на снимке свое несостоявшееся — не со мной, понятное дело, но все равно несостоявшееся... с кем-то.

Вот и подошло время расставанья. Я прощаюсь со всеми и выглядываю в окно. Милая Шурочка, кареглазая пугливая лань, я вижу, как в сгущающихся сумерках мелькает за забором твоя белая косынка.

— Батюшка, вы не спешите: я в туалет пока на дорожку заскочу, — закрываю я за собой дверь, с радостью замечая его согласный кивок.

Выхожу за калитку, и ты подходишь со своей неизменной улыбкой.

— Ты приезжай. Я буду скучать без тебя, — смущаешь ты меня незатейливой простотой обескураживающе откровенных слов.

Я широко улыбаюсь в ответ. Ты неотрывно глядишь на меня, и мы оба знаем, что, скорее всего, больше не увидимся. Но при этом, как в каком-то абстракционистском фильме, радостно улыбаемся. Я знаю: ты будешь помнить меня хорошо, Шурочка, и от радости мне хочется сказать тебе на прощанье что-то особенно душевное, но боюсь сфальшивить.

И я тоже тебя не забуду, Шурочка, хотя и люблю другую. Прощай, снегурочка, и прости глупца за неосторожный взгляд. Я так и говорю тебе:

— Прощай, Шурочка, и прости, если что не так.

— За что п-п-прощать? — как обычно, медленно растягивая буквы, произносишь ты, и твое лицо освещается грустной улыбкой. — С тобой интересно было.

Я не выдерживаю печального взгляда и, почему-то волнуясь, говорю:

— Шурочка, уезжай отсюда в город.

— А где я буду жить?

Я не знаю, что ответить, и, понимая твою правоту, все же произношу:

— Но здесь же можно свихнуться от тоски. Здесь нет будущего.

— Это так только кажется. Везде можно жить, да и поздно уже куда-то ехать, — от этих слов мне становится не по себе, и я замолкаю. — А ты приезжай к нам в гости... с семьей. Я буду ждать, — улыбаешься ты и опускаешь глаза. — Я буду скучать без тебя.

Услышь любой другой сейчас эти слова, посчитал бы Шурочку недалекой умом, блаженной, но я-то знаю, что она просто не от мира сего, искренняя и чистая до той самой боязни перед ней деревенских, и сказанное воспринимаю сравнительно спокойно, боясь только одного — чтобы легкое смущение не отобразилось на моем лице.

В вагоне уже давно стоит дружный храп, и лишь только я все никак не могу уснуть. Мне все время вспоминается Шурочкино лицо, то по-детски простоватое, то не по-детски мудрое, и ласковые глаза, то смеющиеся, то вдруг темнеющие от печали. Я невольно усмехаюсь: напротив меня спит девушка, как сейчас говорят, модельной внешности, а вот ее лицо не отпечаталось в моей памяти, хотя и разговаривал с ней совсем недавно.

Все же мне удалось немного вздремнуть. Проснувшись, я стал смотреть в окно. Трава серебрилась инеем, болотца под насыпью отсвечивали тоненькими ледяными стеклышками — зима уже возвещала о своем приближении ночными заморозками. Вскоре пошли пригородные дачи — мы подъезжали. За соседними боковушками проснулись и зашептались между собой две девушки. Одна из них спустилась с верхней полки и склонилась над сумкой. Сквозь белую футболку угадывалось хрупкое тело — девочка-подросток, старающаяся при помощи макияжа и напускной солидности выглядеть старше. Я слышу произносимое юными соседками: «Первая пара, деканат, общага», — а передо мной встает глухая таежная деревня и одинокая женская фигурка у церковной калитки. Выходя из купе, я улыбаюсь студенткам:

— Девушки, удачи вам в жизни.

Они оборачиваются на меня — губки вначале удивленно приоткрываются, а затем растягиваются в искренней улыбке:

— Спасибо.